

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

ЭО, 2009 г., № 6

© Г.А. Аксянова, А.П. Пестряков

ВКЛАД Н.Н. ЧЕБОКСАРОВА В АНТРОПОЛОГИЮ: 100-летний ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Ключевые слова: физическая антропология, расовая классификация, критика расизма, формирование народов Центральной и Восточной Европы, Урала, Южной и Восточной Азии.

В мае 2007 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Николая Николаевича Чебоксарова (1907–1980). В июне 2008 г. в ИЭА РАН состоялось расширенное заседание Ученого Совета, где прозвучали три основных доклада и яркие воспоминания о жизни и деятельности этого выдающегося отечественного этнографа и антрополога XX столетия. С информацией об истории созданного им Отдела народов зарубежной Азии, которому тогда исполнилось 50 лет, выступила Наталия Львовна Жуковская – руководитель Центра тихоокеанских и центральноазиатских исследований ИЭА РАН. Роза Шотаевна Джарылгасинова, много лет работавшая под руководством Н.Н. Чебоксарова и считающая себя его ученицей, подробно и эмоционально осветила вклад ученого в развитие этнографической науки (типология жилища, классификация историко-культурных областей и хозяйственно-культурных типов, разработанная совместно с М.Г. Левиным, проблемы теории этноса, руководство кафедрой этнографии в МГУ и многочисленными аспирантами, участие в подготовке многотомной академической серии “Народы мира”, международное сотрудничество). Отмечены широта и фундаментальность его исследовательской деятельности, научная интуиция, глубокая преданность избранной профессии; прозвучала надежда на публикацию рукописи дневника Н.Н. Чебоксарова и И.А. Чебоксаровой 1956–1958 годов – периода продолжительной командировки в Китай. Об Этнографическом кабинете-музее им. Н.Н. Чебоксарова рассказали Х.М. Турьинская и К.П. Калиновская. Воспоминаниями о совместной работе и неформальных встречах с Николаем Николаевичем, об экспедициях и конференциях поделились Д.Д. Тумаркин, А.М. Решетов (зачитано его письмо), Я.В. Чеснов, А.Н. Лескинен, А.А. Зубов, В.А. Спицын и другие известные ученые. Тема заседания Ученого совета придала ему неформальный характер и привлекла большое число ученых. В нем приняли участие этнографы и антропологи разных поколений, в том числе аспиранты и студенты. Настоящая статья освещает тематику третьего доклада, прозвучавшего на мемориальном заседании.

Наш институт всегда был коллективом творческих, самобытных личностей. Но есть среди творческих натур особо выдающиеся таланты, теоретики, самые яркие звезды и столпы науки. Именно к таким Избранным мы относим и Н.Н. Чебоксарова как этнографа и антрополога, блестяще проявившего себя и на поприще этнической антропологии. Его классификация расовых типов и терминология (1947а, 1951), наряду с разработками А.И. Ярхо и Г.Ф. Дебеца, легла в основу наиболее известной классификации трех больших рас, предложенной М.Г. Левиным и Я.Я. Рогинским (1963, 1978). Николай Николаевич воплощал в жизнь комплексный подход Д.Н. Анучина к изуче-

Галина Андреевна Аксянова – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела физической антропологии ИЭА РАН; e-mail: gaksyanova@gmail.com

Александр Петрович Пестряков – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории антропологической реконструкции ИЭА РАН; e-mail: labrecon@yandex.ru

нию этногенеза: единство данных этнографии, антропологии, археологии. Н.Н. Чебоксаров хорошо знал антропологическую специфику большинства регионов Евразии. Для его исследований характерно панорамное освещение изучаемой проблемы, строгая опора на известные к тому времени научные факты и гипотезы, логичность, убедительность и четкость выводов. Ученый на протяжении всей своей карьеры живо интересовался новыми разработками и методиками, с интересом относился к работам молодых ученых. В совместных антропологических экспедициях участвовали наши известные ученые С.А. Шлугер (европейский Крайний Север), Т.А. Трофимова (Южный Урал), М.В. Витов и К.Ю. Марк (Прибалтика), А.А. Зубов (Индия). Признание его заслуженного международного авторитета стали долгосрочные работы в Китае, а также полевые исследования в Индии (*Чебоксаров* 1980, 1982; *Zubov, Cheboxarov* 1976).

Как практик и теоретик физической антропологии, Н.Н. Чебоксаров внес фундаментальный вклад в изучение многих современных народов Евразии – Западной Европы (немцы), Восточной Прибалтики (эстонцы, латыши, литовцы), северо-восточной Европы (коми и коми-пермяки, русские), Урала (манси), Казахстана и Киргизии (дунгане), Восточной Азии (народы Китая), азиатских монголоидов в целом, Южной Азии (народы Индии). А.А. Зубов подчеркнул глубокую заинтересованность и добросовестность экспедиционной работы Николая Николаевича при обследовании местного населения, которая порой граничила с опасностью для здоровья в трудных для него климатических условиях Индии. Т.И. Алексеева ранее вспоминала о неоднократном поражавшем ее в этом человеке “удивительном таланте проникновения в предмет”: «Первый раз я с этим соприкоснулась перед Русской экспедицией, когда были только отрывочные знания и публикации о русском населении. Вдруг у Чебоксарова вышла великолепная статья в “Народах мира”, где он разложил по полочкам процесс русского этногенеза. Как можно было все это воедино собрать!? Поразительно! Потом это неоднократно, конечно, подтверждалось уже конкретными материалами» (выступление на мемориальном заседании памяти Г.Ф. Дебеца в ИЭА РАН, 2005 г., видеозапись авторов)¹.

Известно, что Н.Н. Чебоксаров был очень принципиален в следовании географическому принципу в номенклатуре антропологических расовых комплексов. Как практикующий этнический антрополог, он в 1930–40-е годы внес заметный вклад в теоретическую борьбу с расовой теорией, включенной в идеологию и практику фашистской Германии. Это человек из плеяды выдающихся российских ученых, которые создавали фундамент науки XX в. и чье творческое наследие – важная опора научного антропологического сообщества.

Среди крупнейших отечественных специалистов Николай Николаевич Чебоксаров занимает особое место. Будучи человеком энциклопедических знаний, он обогатил своими исследованиями как антропологию, так и этнографию. В нашей статье основное внимание будет уделено работам ученого по физической антропологии, хотя иногда бывает трудно отделить их от такой же родной для него этнографической тематики.

Несмотря на слабое здоровье, плохое зрение, на сложные, временами трагические обстоятельства жизни семьи в 1930-е годы, Н.Н. Чебоксаров всегда оставался подвижником науки, проявляя исключительное трудолюбие и работоспособность. Можно без преувеличения сказать, что наука была смыслом его жизни. Верной подругой в жизни и надежным помощником в работе была жена Ирина Абрамовна Чебоксарова (Минская), с которой он познакомился во время войны в эвакуации (подробнее о жизненном пути см.: *Чебоксарова* 1987; *Решетов* 2002).

Н.Н. Чебоксаров родился в г. Симбирске 23 апреля (6 мая по н. ст.) 1907 г. в интеллигентной и обеспеченной семье. Его отец, Николай Николаевич-старший (1883–1937), получил экономическое образование в Швейцарии, а мать, Евгения Николаевна

Чебоксарова-Петрова (1886–1970), преподавала в школе, уделяла много внимания домашнему воспитанию двух сыновей. В смутное время Гражданской войны Чебоксаровы в основном жили в Сибири (в Омске), на Дальнем Востоке (близ Владивостока), в Китае (в негласной столице КВЖД – Харбине). В это время на российском Дальнем Востоке проживало очень много китайцев, в основном работающих в прачечных, бытовых службах и в торговле. Видимо, именно тогда в результате наблюдений за жизнью представителей культур Запада и Востока у молодого Николая Николаевича пробудился интерес к этнографии и этнической антропологии.

В 1926 г. Н.Н. Чебоксаров поступил учиться на кафедру антропологии Московского государственного университета, которую окончил в 1930 г. с квалификацией антрополога-расоведа. Среди его преподавателей были крупнейшие отечественные ученые – специалисты в разных областях знания: антрополог Виктор Валерьянович Бунак, археолог Борис Сергеевич Жуков и этнограф Борис Алексеевич Куфтин. Таким образом, Николай Николаевич за четыре года учебы в университете получил прекрасную подготовку в трех смежных дисциплинах: антропологии, археологии, этнографии (“триада” Дмитрия Николаевича Анучина, основателя кафедры антропологии МГУ).

Кроме того, он слушал лекции наших знаменитых генетиков, Н.К. Кольцова и С.С. Четверикова, и в дальнейшей научной деятельности отдал дань популяционной генетике, редкой тогда специализации среди антропологов. Уже в студенческие годы у Николая Николаевича проявился интерес к полевым исследованиям – он участвовал в нескольких этнографических и антропологических экспедициях в разных регионах страны. Еще будучи студентом, Н.Н. Чебоксаров стал работать в Центральном музее народоведения, существовавшем тогда в Москве. Там он органично влился в коллектив сотрудников, со многими из которых в дальнейшем занимался совместной научной деятельностью. В первую очередь это Сергей Павлович Толстов, будущий директор Института этнографии АН СССР, в котором Н.Н. Чебоксаров проработал с 1943 г. до конца своей жизни, и Сергей Александрович Токарев, в дальнейшем сотрудник того же Института – заведующий сектором этнографии народов Австралии и Океании.

В 1932 г. Николай Николаевич поступил в аспирантуру Института антропологии МГУ. Руководителем его некоторое время был Аркадий Исаакович Ярхо (1903–1935), талантливый антрополог, человек со сложным и противоречивым характером. К сожалению, добрых отношений между ними не сложилось, хотя в дальнейшем Н.Н. Чебоксаров всегда отдавал должное своему учителю за развитие методологии антропологических исследований, а в доме у него висел портрет Ярхо. Во время учебы в аспирантуре Николай Николаевич участвовал в экспедициях к калмыкам и коми; соответствующие материалы были опубликованы в профессиональном журнале. В то же время он начал собирать антропологический материал по китайцам, живущим в Москве: рабочим различных бытовых служб и студентам Университета имени Сунь Ятсена, продолжив аналогичные исследования А.И. Ярхо середины 1920-х годов. Тогда же были опубликованы результаты этих исследований (*Чебоксаров* 1935а, 1935б).

После окончания аспирантуры в 1935 г. Николай Николаевич работал старшим научным сотрудником в Музее антропологии МГУ, а в конце этого же года был назначен там заведующим Отделом расоведения. В этом видится раннее проявление и признание его антропологического таланта. Одновременно молодой ученый выполнял обязанности секретаря редакции центрального профессионального периодического издания “Антропологический журнал”. В своих исследованиях по этнической антропологии Николай Николаевич с самого начала научной деятельности стремился к почти панорамному охвату изученных им групп: к 1940 г. в дополнение к китайцам, калмыкам и коми он собрал в различных экспедициях и проанализировал значительный антропологический материал еще по северным русским, коми-пермякам и манси (*Чебоксаров* 1946; *Чебоксаров, Трофимова* 1941). Последняя работа уникальна, так

как документирует физический тип ныне ассимилированной группы западных манси, представителей уральской расовой общности, а также южноевропеоидный (“северопонтийский”) компонент в их составе. В многолетней теоретической дискуссии о генезисе уральского расового комплекса Чебоксаров был убежденным сторонником гипотезы древней метисации как основного фактора формирования переходного между европеоидами и монголоидами сочетания признаков внешности. Именно этот ученый предложил широкое толкование уральской расы как урало-лапоноидной группы антропологических типов, объединив западносибирские и восточноевропейские промежуточные варианты.

Отдельно скажем о той огромной работе, которую Николай Николаевич провел, изучая в 1935–1938 годах различные группы коми-зырян и коми-пермяков. Только после войны опубликовано его обстоятельное исследование по этнической антропологии двух родственных этносов (*Чебоксаров* 1946)². Генезис их, подобно другим современным народам, в этнографическом и антропологическом отношении достаточно сложен, поскольку представляет “конгломерат разных рас”. Талантливый ученый, привлекая данные исторических и археологических источников, смог точно увидеть за цифрами антропологической характеристики основные компоненты, которые приняли участие в формировании современных этносов. В данном случае он выделял две основные волны населения, сформировавшие антропологический облик близкородственных народов. Это распространенный на северо-западе общего ареала коми беломорский тип северной европеоидной расы как основной компонент в процессе формирования коми-зырян (особенно ижемцев и удорцев) и распространенный на юго-востоке ареала вятско-камский, или сублапоноидный, тип в качестве основного компонента при формировании коми-пермяков. Вятско-камский тип он считал переходным от европейских к зауральским вариантам и видел в нем результат метисации с монголоидами (урало-лапоноидами). У иньвенских пермяков отмечена примесь южного европеоидного компонента в форме северопонтийского, по терминологии В.В. Бунака, типа. По мнению Н.Н. Чебоксарова, при смешении двух основных региональных расовых типов (беломорского и вятско-камского) сложился третий – восточнобалтийский (он же балтийский) тип, который в антропологическом отношении объединяет южные зырянские группы с прибалтийско-финскими народами – карелами и вепсами. Однако более поздние исследования, основанные на статистических многомерных сравнениях, подтверждая в общих чертах данную схему, все же не включают характеристику коми-зырянских групп вычегодского бассейна в ареал восточнобалтийского типа. К.Ю. Марк предложил выделять отдельно “вычегодский, или светлый сублапоноидный, тип”, а В.Е. Дерябин по тем же материалам Чебоксарова и Марк предложил новый таксон “мезенско-печорско-вычегодский тип” (подробнее см.: *Аксянова* 2005). В 1943 г. в Свердловске Н.Н. Чебоксаров защитил кандидатскую диссертацию на тему “Происхождение коми в свете данных антропологии”.

В 1936 г. Николай Николаевич опубликовал большую теоретическую работу “Из истории светлых расовых типов Евразии” (*Чебоксаров* 1936а). Она была научным ответом на работы расистски настроенных немецких антропологов, считавших, что в Европе существует две депигментированные (светлые), но генетически совершенно различные расы: долихокефальная северная, или нордическая раса (то же “атлантико-балтийская” по современной отечественной классификации), которая характерна для германцев, и брахикефальная восточнобалтийская (то же “беломорско-балтийская”), характерная для славян и финнов.

Следуя за работами первых европейских расологов (Ж.А. де Гобино, Х.С. Чемберлен, Ж.В. де Лапуж)³, немецкие исследователи начала XX в. считали североевропейскую (нордическую, северную) расу самой ценной для человечества как наиболее способную к развитию и усвоению цивилизации современного типа. Поскольку нордическая раса распространена главным образом среди германоязычных народов, то

представителям иных лингвистических групп (и, соответственно, народов) Европы отказывалось в таких же цивилизационных способностях. К “менее ценным”, по их мнению, принадлежала и большая часть населения Восточной Европы, представленная не только другими языками, но и чертами другой североευропейской расы – восточнобалтийской, или восточной по западной терминологии.

По мнению большинства немецких антропологов того времени, две названные расы, невзирая на некоторое их морфологическое сходство, в своем генезисе не имеют между собой практически ничего общего. “Светлая восточная раса не только не имеет ничего общего с северной, но даже не относится к европеоидам, представляя одну из монголоидных разновидностей” – высказывала ошибочное мнение исследовательница Х. Пёх (*Pöch* 1925: 35). Г. Гюнтер – немецкий писатель и филолог того времени, активно занявшийся антропологической проблематикой, дал уничижительную характеристику восточным балтийцам: “неповоротливые, недоверчивые, пассивные” в противоположность северной расе – “действенной, правдивой, интеллектуально высокоразвитой” (*Günter* 1926: 59). Правда, он признает очевидные для антрополога-специалиста факты: “Есть германские, романские и славянские языки, но нет германской, романской и славянской расы. Язык и раса взаимосвязаны, связи эти нелегко открыть, но языковые границы никогда не являются расовыми и наоборот. Раса и народ не совпадают” (*Гюнтер* 2005: 119).

В этой же работе он дает свое понимание расы: “Раса представляет собой группу людей, которая по свойственному ей сочетанию физических признаков и *душевных качеств* (выделено нами. – Г.А., А.П.) отличается от любой другой и всегда воспроизводит только себе подобных” (*Гюнтер* 2005: 124). В этом определении биологические расовые характеристики определенно увязываются с психологическими. Подчеркнем, что отечественная антропология никогда не признавала прямой зависимости биологических и социально-психических черт у здорового человека.

Цитируемая работа Г. Гюнтера впервые была опубликована в 1926 г. Характерно, что спустя три десятилетия, уже после Второй мировой войны, подобные взгляды на расу еще встречались в европейских авторитетных источниках. Так, в философском словаре, изданном в ФРГ, дается следующее определение расы: “Раса – в антропологии группа людей, в которой характерный внешний облик обусловлен общими наследственными конституционными признаками (окраска кожи, форма головы, форма лица и носа, форма и окраска волос, размеры тела и т. д.). Основные человеческие расы – индоевропейская, негроидная и монголоидная. В широком смысле слова раса представляет собой форму, в которой характер человека находит выражение в его внешних признаках, в частности в форме головы и лица” (Философский 1961: 494–495). Здесь также биологические расовые черты, как видим, представляются жестко связанными с психическими свойствами личности. Исходя из подобных представлений, понятно, почему и в настоящее время (конец XX – начало XXI в.) во многих западных странах научный термин “раса”, широко используемый в биологии, географии, антропологии, прочно ассоциирован с реакционной идеологией расизма.

Николай Николаевич Чебоксаров, используя обширные антропологические материалы как западноевропейских и отечественных авторов, так и собственные, убедительно доказал, что между двумя североευропейскими расами, по мировому масштабу максимально светлоокрашенными (депигментированными), нет четкой географической границы. Подобные мезо-долихоцефальные депигментированные антропологические варианты отдельными локальными территориями прослеживаются по всей территории Северной и Средней Европы от Скандинавии и северной Германии до Республики Коми и Мордовии.

Происхождение светлых комплексов с относительно расширенной и укороченной головой частично обусловлено масштабным эпохальным процессом брахикефализации, элементы которого, кстати говоря, хронологически раньше фиксируются среди краниологических серий именно Западной Европы. В.В. Бунак (*Бунак, Герасимо-*

ва 1984) среди верхнепалеолитического населения Европы выделяет брахикранный тип Солютре (Восточная Франция). Единственная мезо-брахикранная серия мезолита Европы – это Офнет (Южная Германия). Для современных краниологических серий классическая брахикрания характерна именно для Центральной Европы (Австрия, Бавария, Чехия, Хорватия). Как известно, эпохальный процесс брахикефализации в последнее тысячелетие охватил практически всю огромную территорию двух третей Северной Евразии, затронув популяции разных расовых типов. Он характерен как для европеоидов, так и для монголоидов (континентальной ветви этой большой расы). В другой работе этот выдающийся отечественный антрополог писал: “...Европейские и азиатские брахикранные типы связаны общим происхождением, однако в эпоху чрезвычайно отдаленную и в формах, несоответствующих тем, которые обнаруживаются в современном брахикефальном населении Европы и Азии... Можно утверждать, что и азиатские брахикефалы, монголоиды, и европейские, альпиноиды, произошли из одного прототипа, который по всей видимости, не был ни монголоидным, ни европеоидным, а представлял собой некоторую нейтральную форму, и, вероятно, более примитивную” (Бунак 1927: 185).

Что касается светлой пигментации у европейцев, то по мнению Николая Николаевича, формирование подобных расовых комплексов решительно нельзя связать с распространением какой-либо современной лингвистической общности (германской, славянской или иной). Он писал: “Близкое сходство западно- и восточноевропейских светлых расовариантов обусловлено не расселением их в уже сложившемся виде из какого-то общего центра (как стараются изобразить сторонники расовых теорий), но единством депигментационного процесса, протекавшего во всей северной Европе на аналогичном во многих отношениях расовом субстрате...” (Чебоксаров 1936а: 222). В этой же работе, опираясь на основополагающие труды Н.И. Вавилова, он выдвинул гипотезу о концентрации на окраинных регионах древней ойкумены человечества рецессивных генов (в частности генов, обуславливающих депигментацию).

В тот же период времени по литературным данным Николай Николаевич изучал антропологию Восточной Африки. Это было время, когда фашистская Италия напала на Эфиопию и аннексировала ее, и период острой идеологической борьбы против германского расизма. Н.Н. Чебоксаров был в первых рядах советских антропологов, которые всегда занимали в этом вопросе строго научную и гуманистическую позицию, основанную на представлении о глубоком биологическом единстве рас человечества. Николай Николаевич пишет: «...Между южным итальянцем и нилотическим негром существует ряд переходных звеньев, абсолютно не позволяющих установить, где кончается господство физического облика “благородных потомков Ромула и Рема” и начинается преобладание типов, характерных для обитателей черного континента, “неспособных”, по мнению ученых защитников итальянской колониальной экспансии, к “самостоятельному культурному развитию”» (Чебоксаров 1936б: 42).

В сентябре 1941 г. Н.Н. Чебоксаров занял должность старшего преподавателя на кафедре этнографии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Во время Великой Отечественной войны Николай Николаевич, как человек, не подлежащий призыву на фронт из-за плохого зрения, оказался в эвакуации – сначала в Ашхабаде, затем в Свердловске, куда был отправлен его факультет. В эвакуации Николай Николаевич познакомился с Ириной Абрамовной, которая вскоре стала его женой и верной подругой на всю жизнь. В 1943 г. Чебоксаров с семьей возвращается в Москву, где ему предлагают место заведующего сектором Европы в московском отделении Института этнографии АН СССР (в настоящее время Институт этнологии и антропологии РАН). В этом институте Николай Николаевич продолжал трудиться до своей кончины.

В конце Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы ученый собрал представительный материал по немцам (до сих пор неопубликованный), изучая контингент военнопленных. В более ранней работе он убедительно показал нали-

чие слабой, но явственной монголоидной примеси у современного населения южной Германии, восходящей, возможно, к эпохе великого переселения народов (*Чебоксаров* 1941).

Начиная с 1949 г., Николай Николаевич вместе с М.В. Витовым и К.Ю. Марк начинает подготовку к масштабным исследованиям по антропологии прибалтийских народов СССР, а с 1952 г. возглавляет Объединенную комплексную экспедицию АН СССР и АН Литовской, Латышской и Эстонской ССР. В обобщающих работах дается антропологическое районирование Восточной Прибалтики с учетом соседних этнических русских и белорусских популяций, выявлены расогенетические связи между древними и современными типами (*Чебоксаров* 1954; *Витов и др.* 1959; *Mark, Šebokšarov* 1968). В составе титульных народов, методом картографирования средних величин признаков физической внешности, авторы выделили пять локальных комплексов, представляющих три основных антропологических типа в регионе – западнобалтийский, восточнобалтийский (онежско-вычегодский) и центральноевропейский. При этом специфика восточнобалтийского типа, характерного для восточных эстонцев и частично латышей, объяснялась небольшой монголоидной (“протолапоноидной”) примесью. Николай Николаевич с соавторами считали это следом древнейшего смешения (метисации) двух больших рас, тем самым поддерживая точку зрения Г.Ф. Дебеца в его споре с В.В. Бунаком по поводу генезиса уральской (урало-лапоноидной) расы. Последний, как известно, считал уральскую расу особым (“недифференцированным”) в своем формировании антропологическим вариантом.

Незаурядный интерес ученый всегда проявлял к восточноазиатской тематике, по которой им написано большое число научных статей. Работа по московским китайцам, выполненная совместно с А.И. Ярхо еще в 1930-х годах, в середине 1940-х была дополнена исследованием в Восточном Казахстане и Киргизии трех групп дунган, переселившихся туда в конце XIX в. из Китая (*Чебоксаров* 1947б; 1949а, 1949б).

В 1947 г. Николай Николаевич защитил докторскую диссертацию на тему “Северные китайцы и их соседи”. Работа была удостоена академической премии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, но, к сожалению, полный текст никогда не публиковался. Несколько позднее были напечатаны лишь ее краткие тезисы (*Чебоксаров* 1949б). Тогда же вышла его очень важная в теоретическом отношении работа “Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии”, где, опираясь на данные краниологии, ученый предложил разделение большой монголоидной расы на две ветви, существенно различающихся многими характеристиками, – северо-западную и юго-восточную: соответственно континентальных и тихоокеанских монголоидов (коренное население Центральной Азии и Сибири; коренное население Восточной и Юго-Восточной Азии). Вдоль побережья Тихого океана, от Чукотского п-ова до Индокитая, сформировались переходные группы типов: северо-восточная (арктическая) и восточная (*Чебоксаров* 1947а). Позднее в докладе на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Москва, 1964), где он руководил секцией Юго-Восточной Азии, Николай Николаевич писал: “Первая ветвь (континентальные монголоиды) отличается от второй... большей массивностью всего скелета, гораздо более крупными горизонтальными размерами мозговой коробки (при меньшей ее высоте), абсолютно более широким, как правило, ортогнатным лицом, относительной узконосостью... Различия между континентальными и тихоокеанскими монголоидами столь же значительны, как различия между северными и южными европеоидами или между африканскими и азиатско-океанскими негро-австралоидами” (*Чебоксаров* 1964: 2).

Эта концепция Николая Николаевича, так же как значительно более ранние работы В.В. Бунака (*Бунак* 1922, 1927), оказалась одной из отправных точек для новейшей краниологической классификации современного населения Земли (*Пестряков* 1995; *Пестряков, Григорьева* 2004). Согласно этой классификационной схеме, континентальные монголоиды (основной массив коренного населения Сибири, Централь-

ной Азии и евразийской степи) по краниологическим и некоторым другим маркерам оказываются значительно ближе к европеоидам, образуя с ними один панойкуменный краниотип – *голарктидов*. В то же время тихоокеанские монголоиды (китайцы, корейцы, японцы и большинство населения Индокитая и Индонезии) вместе с большинством американоидов (индейцы обеих Америк) и эскимосов входят в другой панойкуменный краниотип – *пацифидов*.

Отсюда следует важный вывод, касающийся проблемы первоначального заселения Америки: эти мигранты в большинстве своем не являются выходцами из глубин Северной Азии (Сибири), где в настоящее время (возможно и ранее) доминируют низкоголовые континентальные монголоиды. Наиболее вероятно, что это было население прибрежной части азиатской Пацифики (тихоокеанские монголоиды), которые, двигаясь с территории Восточной Азии на север вдоль берега океана, через сухопутный мост Берингии постепенно заселяли просторы обеих Америк.

Объективность вывода Н.Н. Чебоксарова о выделении в составе большой монголоидной расы двух различных ветвей (континентальной и тихоокеанской) в дальнейшем подтвердилась не только на антропологическом (более всего на краниологическом) материале, но даже по данным лингвистической фоностатистики, области науки, казалось бы, достаточно далекой от физической антропологии. Согласно заключению В.А. Никонова, известного специалиста по вопросам этнолингвистики, мировой центр лингвистического консонантизма (наибольший процент встречаемости согласных в речевом массиве) географически располагается среди монголоидов Северной Азии (в языке ительменов – 66%, нивхов – 62%). В то же время у живущих в более низких широтах тихоокеанских монголоидов – китайцев и японцев – их около 50%, а среди некоторых островных народов Тихого океана максимум уже вокальных звуков – свыше 60% (Никонов 1987; Пестряков 1994). Таким образом, важные элементы фонетической системы языков у представителей континентальных и тихоокеанских монголоидов оказались полярно различными. И в этом случае, так же как и по краниологическим характеристикам, первые сближаются с основным массивом европеоидов.

Как антрополог-расовед значительного масштаба, Чебоксаров серьезно занимался проблемами расовой дифференциации человечества, понимая, что нельзя грамотно выстраивать пути генезиса антропологического состава этносов без общей схемы расовой классификации человечества. Наиболее полно свои взгляды в этой области антропологии он изложил в статье “Основные принципы антропологических классификаций” (Чебоксаров 1951). Николай Николаевич придерживался широко распространенной концепции, согласно которой современное население планеты подразделяется на три основные (большие) расы, каждую из которых он подразделил на две малые расы, или группы типов (кроме контактных, межрасовых метисных по происхождению антропологических типов). Он выделял следующие большие расы: экваториальную, или негро-австралоидную (состоящую из двух малых рас: негроидной и австралоидной); евразийскую, или европеоидную (состоящую из северной европеоидной, или балтийской, и южноевропеоидной, или индо-средиземноморской малых рас) и азиатскую, или монголоидную (состоящую из северной монголоидной, или континентальной, южной монголоидной, или тихоокеанской и американской малых рас). Малые расы, в свою очередь, он подразделял на локальные антропологические типы.

Как известно, в антропологии существует ряд классификационных расовых схем. Многие из них слабо отличаются друг от друга, но каждая имеет свои специфические достоинства и недостатки. Расовая классификация Чебоксарова является одной из наиболее удачных. Другой корифей отечественной антропологии, Г.Ф. Дебец, считал ее наиболее удобной, сочетающей краниологические и соматологические параметры с генеалогическими критериями (Дебец 1958).

В отличие от наиболее распространенной в отечественной антропологии схемы расовых типов, предложенной Я.Я. Рогинским и М.Г. Левиным на основе разработок

Ярхо, Дебеца и Чебоксарова, у Н.Н. Чебоксарова не выделена отдельно балкано-кавказская раса, которая, видимо, объединена со средиземноморской (средиземно-балканский тип) либо включена в переднеазиатский тип.

В этом же 1951 г. (и в том же сборнике) Н.Н. Чебоксаров публикует совместную с М.Г. Левиным обширную статью “Древнее расселение человечества в Восточной и Юго-Восточной Азии”, где они подробно разбирают все антропологические сведения из данного региона начиная с эпохи палеолита (*Левин, Чебоксаров* 1951). Здесь Николай Николаевич и Максим Григорьевич вступают в полемику с Ф. Вайденрайхом (*Weidenreich*) по поводу верхнепалеолитических краниологических находок в Северном Китае в пещере Чжоукоудянь. Последний на основании изучения формы черепной коробки и некоторых особенностей ее свода считает один из найденных там женских черепов “меланезийским” (№ 102), другой – “эскимосским” (№ 103), что представляется маловероятным даже неспециалисту. Наши авторы отмечают следующее: “Построение Вайденрайха интересно разве лишь как показатель того, куда приводит метафизическое представление об абсолютной стабильности расовых признаков на протяжении десятков тысячелетий... Несомненно, что многие морфологические особенности указанных черепов – общая массивность, сильное развитие костного рельефа, крупное широкое лицо, низкие орбиты – не должны рассматриваться как расово специфичные для них, так как признаки эти характерны, насколько мы знаем, для древних людей верхнего палеолита во всей области их расселения” (Там же: 329–330).

Уже во время верхнего палеолита – мезолита, по мнению Николая Николаевича, намечаются различия между высокоголовыми и низкоголовыми монголоидами – в дальнейшем тихоокеанской и континентальной ветвями этой расы. Высокоголовые краниологические формы, по данным палеоантропологии, распространены в мезолите и неолите также и на территории Индокитая, где в это время отмечается значительное краниологическое разнообразие – свидетельство активного расогенетического процесса. Древнейшим антропологическим пластом на территории Юго-Восточной Азии, по мнению авторов статьи, является австралоидно-негроидный, который “в дальнейшем дифференцируется в разных частях рассматриваемой области в различных направлениях” (Там же: 338).

В указанной статье Н.Н. Чебоксаров и М.Г. Левин коснулись также проблемы происхождения айнов и так называемых “американоидов” Азии. В них многие западные антропологи того времени видели реликты древнего европеоидного расового типа, проникшего сюда с запада Евразии и смешавшегося с древними монголоидами, благодаря чему якобы стало возможным возникновение высококультурных восточноазиатских цивилизаций. Подчеркнуто, что специфичность этих вариантов обусловлена либо сохранением в изолированных районах относительно ранних стадий формирования монголоидного комплекса (“американоиды” Восточного Тибета), либо значительной австралоидной примесью (курильский тип айнов). Сейчас действительно установлено присутствие в бронзе и раннем железном веке европеоидного населения на территориях современного распространения азиатских монголоидов, однако эти находки обнаружены, главным образом, в более западных и континентальных районах (Западная Монголия, западные провинции Китая).

Вместе с Г.Ф. Дебецем и Т.А. Трофимовой Николай Николаевич в том же сборнике публикует статью “Проблемы заселения Европы по антропологическим данным”, где в основном по краниологическим материалам представлен довольно подробный диахронный экскурс в динамику расогенетических процессов на территории Европы начиная с палеолита (*Дебец и др.* 1951).

Поистине “золотым периодом” научного творчества Николая Николаевича Чебоксарова были 50-е и 60-е годы прошедшего века. Весной 1962 г., после длительной командировки в Китай (см. ниже), состоялась поездка в Индонезию (на острова Ява, Мадур, Бали) с этнографическими, а не антропологическими задачами. Однако и

Этнограф М.К. Кудрявцев (*первый слева*) и Н.Н. Чебоксаров (*второй слева*) в Индии с организаторами экспедиции, 1966 г. Фото из архива А.А. Зубова

эта поездка имела важное значение, так как позволила опытному исследователю непосредственно наблюдать изменчивость расовых признаков в индонезийском типе южноазиатских монголоидов.

В 1964 г. по приглашению Антропологической службы Индии Н.Н. Чебоксаров и этнограф М.К. Кудрявцев совершили экспедиционный выезд в эту страну, где обследовали шесть этнических групп. В 1966 г. он провел вместе с А.А. Зубовым еще более масштабные антропологические исследования. Всего им было изучено 11 этно-территориальных групп населения Центральной, Восточной и Южной Индии: в районе Дели и в штатах Бихар, Западный Бенгал, Карнатак (*Чебоксаров* 1973, 1980; *Zubov, Cheboxarov* 1976). В исследованных группах Николай Николаевич нашел сложное сочетание европеоидных, веддоидных и монголоидных антропологических черт. В высших кастах изученных народностей длина тела и головной указатель, как правило, выше, чем в низших кастах, у первых более выражены европеоидные расовые черты, у последних – веддоидные (в более широком понимании – австралоидные, экваториальные). У санталов и мунда, при сравнении с дравидоязычными соседями, заметны некоторые монголоидные особенности в преобладающем веддоидном комплексе. По этим данным Николай Николаевич сделал вывод о непрерывной последовательности переходных вариантов между веддоидами и южными монголоидами в Восточной Индии (антропологическая непрерывность как следствие процесса расообразования в первично недифференцированной общности). Это его положение нашло подтверждение в теоретической концепции А.А. Зубова о наиболее раннем дихотомическом разделении человечества по данным одонтологии на западный и восточный первичные расовые (то же “надрасовые”) стволы, где к восточному стволу относят как веддоидов (веддо-австралоидов), так и монголоидов.

Н.Н. Чебоксаров и А.А. Зубов (слева) у санталов Индии, 1966 г. Фото из архива А.А. Зубова

Начиная с середины 50-х годов прошлого века, после наступления идеологической “оттепели”, Николай Николаевич начинает активно участвовать в различных отечественных и зарубежных научных симпозиумах, конференциях и конгрессах. Кроме вышеназванных командировок в Индонезию и Индию, Николай Николаевич побывал на научных конференциях и конгрессах в Японии, Польше, Венгрии, Финляндии.

Наибольший фактический вклад в изучение антропологии зарубежной Азии Николай Николаевич сделал благодаря длительному пребыванию в Китае (с 1956 по 1958 г.), куда он был приглашен правительством КНР для преподавания антропологии в Центральном Институте национальных меньшинств в Пекине. Кроме чтения лекций, Чебоксаров вел большую консультативную работу по вопросам этнографии и антропологии среди аспирантов и преподавателей этого института. Невзирая на неблагоприятный для его здоровья климат Китая, он активно участвовал в двух длительных экспедициях, где собрал значительный этнографический и антропологический материал по этнографическим группам китайцев и этническим меньшинствам на юго-востоке страны. В программу Гуанси-Юньнаньской экспедиции (июль-сентябрь 1957 г.) не входило антропологическое обследование населения, однако проводилось фотографирование небольших выборок представителей народов Юньнани, что позволило составить определенное представление об их физическом облике. В период Гуандунской экспедиции (февраль-март 1958 г.) Николаю Николаевичу удалось собрать антропологические выборки по 8 территориальным группам Гуандуна, включая коренное население о. Хайнань, общей численностью в 767 человек (китайцы, хуэй, яо, мяо, ли).

Свою последнюю работу, основанную в значительной мере на этом материале, Н.Н. Чебоксаров писал, когда у него катастрофически стало ухудшаться зрение, и без того очень плохое. В посмертно изданной в 1982 г. монографии “Этническая антропология Китая” (которая представляла на то время энциклопедическую сводную работу по антропологии и этнической истории Восточной и Южной Азии), ученый всесторонне проанализировал уникальный антропологический материал, собранный им в экспедициях на территории КНР, а также антропологические данные других специалистов по китайцам и соседним народам (Чебоксаров 1982).

В первой главе этой монографии и в подробных табличных приложениях Чебоксаров представил и проанализировал огромный материал по краниологии Китая и большей части территории Сибири, советского Дальнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии. Вторая и третья главы в основном посвящены изучению вариантов дальневосточной расы и их локализации среди китайцев (хань). По материалам антропологических обследований китайцев Москвы, проведенных в 1920–1930-е годы, Николай Николаевич выделяет три территориальных комплекса: 1) северные китайцы, наиболее высокорослые и самые светложкие (нередко встречаются очень светлые оттенки – № 8–9 по шкале Лушана), при максимальном развитии монгольской складки века (эпикантуса) и минимальной третичной обволошенности (очень слабое развитие бороды и волос на груди); 2) средние китайцы (населяющие центральную часть Великой Китайской равнины), более низкорослые, с несколько более интенсивно пигментированными кожей, волосами и радужкой глаз, эпикантус выражен здесь слабее, но третичная обволошенность сильнее; 3) южные китайцы, у которых рост заметно ниже, а кожа значительно темнее, чем в северном или среднем Китае. Рост бороды у последних также заметно больший. Отрицательный коэффициент внутригрупповой корреляции между продольным и поперечным диаметрами головы определенно указывает на генетическую неоднородность этого населения.

Таким образом, вырисовывается географический вектор антропологической изменчивости ханьских популяций: с севера на юг КНР уменьшается концентрация собственно монголоидных особенностей и увеличивается экваториальный компонент в форме веждоидной (веддо-австралоидной) расы.

В последующих главах монографии (4–6) дается морфологическая характеристика отдельных антропологических типов среди китайского населения, а также национальных меньшинств КНР. Особо следует указать на выделение восточногогималайского типа в составе южноазиатской группы типов (малой расы) в дополнение к тай-малайскому и индонезийскому типам. В последней главе представлены обширные материалы по дискретным генетическим признакам, которые обычно изучаются антропологами (биохимические маркеры крови).

В “Заключении” этой книги Н.Н. Чебоксаров, опираясь на конкретные палеоантропологические находки, дает в хронологическом порядке гипотетическую схему антропологической изменчивости населения Восточной Азии «от первых сапиентных популяций и “предэтносов” позднего палеолита до современных рас и народов Китая и соседних стран». Завершает монографию схема расогенетических взаимосвязей основных азиатских монголоидных вариантов.

Проблемы антропологии Древнего Китая освещены в коллективной монографии, написанной совместно с М.В. Крюковым и М.В. Софроновым (*Крюков и др.* 1978).

В этой короткой статье возможно было лишь наметить основные направления многочисленных и разнообразных работ Н.Н. Чебоксарова в области антропологии. Общий объем его научно-исследовательской деятельности – свыше 300 публикаций, многие из которых переведены на другие языки.

За свою жизнь Николай Николаевич подготовил очень много специалистов по этнографии и антропологии: его учениками были в дальнейшем хорошо известные антропологи Р.Я. Денисова, М.В. Витов, В.Д. Дяченко. Под его руководством прошли аспирантскую подготовку более сотни иностранных специалистов (в основном из КНР).

Н.Н. Чебоксаров активно участвовал во многих всесоюзных и международных научных конгрессах и конференциях. В течение многих лет он был научным консультантом Главной редакции Большой советской энциклопедии и автором многих статей по вопросам антропологии и этнографии.

Николай Николаевич был прекрасным популяризатором науки. Многократно издавалась научно-популярная книга “Народы, расы, культуры”, небольшая по объему, но исключительно емкая информационно, переведенная на многие языки (*Чебоксаров,*

Чебоксарова 1971). В этой работе Н.Н. Чебоксаров предстает как личность и большой ученый с глубоким, энциклопедическим знанием народов, рас и культур.

Николай Николаевич Чебоксаров скончался 1 февраля 1980 года, но его труды навсегда вошли в золотой фонд мировой науки. О незаурядном вкладе ученого в развитие антропологической и этнографической науки писали крупнейшие российские специалисты, коллеги по Институту этнографии АН СССР (Алексеев, Стратанович 1967; Андрианов и др. 1980; Решетов 2002). Список основных трудов Н.Н. Чебоксарова был опубликован в журнале “Советская этнография” (Список 1977). Мы же, авторы данной статьи, рекомендуем исследователям лично обратиться к работам Николая Николаевича, большинство из которых не утратили научной ценности и сейчас, чтобы насладиться глубиной и широтой его знаний, легкостью слога, логикой мысли при реконструкции сложных и скрытых от прямого наблюдения историко-антропологических процессов.

Примечания

¹ Русская антропологическая экспедиция под руководством В.В. Бунака и Т.И. Алексеевой проводилась Институтом этнографии АН СССР во второй половине 1950-х годов в 107 районах Восточной Европы. Большое академическое издание региональных томов серии “Народы мира. Этнографические очерки” издано в 1950–1960-е годы.

² В официальной статистике 1930–1950-х годов (до Всесоюзной переписи населения в 1959 г.) коми (зыряне) и коми-пермяки объединялись в одну категорию учета под общим названием “коми” в соответствии с единым наименованием. В указанной работе Н.Н. Чебоксарова содержатся полевые материалы по двум этим народам, а также по северным русским и колвинским ненцам в качестве сравнительных групп.

³ Эти авторы объединяли в одну сущность биологические и психологические особенности народов, расовые признаки и развитие культуры, что послужило теоретической опорой для укрепления идеологии расизма.

Литература

- Аксянова 2005 – Аксянова Г.А. Современные представления об антропологическом составе народа коми и его генетических истоках // Антропология коми. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 53–176.
- Алексеев, Стратанович 1967 – Алексеев В.П., Стратанович Г.Г. Н.Н. Чебоксаров (К 60-летию со дня рождения) // Сов. этнография (далее – СЭ). 1967. № 3. С. 125–126.
- Андрианов и др. 1980 – Андрианов Б.В., Zubov A.A., Крюков М.В. Николай Николаевич Чебоксаров // СЭ. 1980. № 4. С. 185–188.
- Бунак 1922 – Бунак В.В. Основные морфологические черты черепа человека и их эволюция // Русский антропол. журн. 1922. Т. 12. Кн. 1, 2. С. 21–62.
- Бунак 1927 – Бунак В.В. *Сrania Armenica*. Исследование по антропологии Передней Азии. М.: Ассоциация науч.-иссл. ин-тов при физ.-мат. отд. при I МГУ, 1927.
- Бунак, Герасимова 1984 – Бунак В.В., Герасимова М.М. Верхнепалеолитический череп Сунгирь I и его место в ряду других верхнепалеолитических черепов // Сунгирь. Антропологическое исследование. М.: Наука, 1984. С. 14–99.
- Витов и др. 1959 – Витов М.В., Марк К.Ю., Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Восточной Прибалтики. М.: Изд. АН СССР, 1959 (Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Т. 2).
- Гюнтер 2005 – Гюнтер Г.Ф.К. Расология немецкого народа // Гюнтер Г.Ф.К. Избр. работы по расологии. М.: Белые альвы, 2005. С. 117–197.
- Дебец 1958 – Дебец Г.Ф. Опыт графического изображения генеалогической классификации человеческих рас // СЭ. 1958. № 4. С. 74–94.
- Дебец и др. 1951 – Дебец Г.Ф., Трофимова Т.А., Чебоксаров Н.Н. Проблемы заселения Европы по антропологическим данным // Происхождение человека и древнее расселение человечества. М.: Изд. АН СССР, 1951. С. 409–468 (ТИЭ. Нов. сер. Т. XVI).

- Крюков и др. 1978 – Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: Проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978.
- Левин, Рогинский 1963 – Левин М.Г., Рогинский Я.Я. Антропология. М.: Высшая школа, 1963.
- Левин, Чебоксаров 1951 – Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Древнее расселение человечества в Восточной и Юго-Восточной Азии // Происхождение человека и древнее расселение человечества. М.: Изд. АН СССР, 1951. С. 325–354 (ТИЭ. Нов. сер. Т. XVI).
- Никонов 1987 – Никонов В.А. Геофонетика и этногенез // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. М.: Наука, 1987. С. 68–79.
- Пестряков 1994 – Пестряков А.П. Об одном загадочном антропологическом феномене // Древности. Antiquities: Докл. общего собр. Российского археолог. об-ва. 1993 г. Вып. 13. М., 1994. С. 156–160.
- Пестряков 1995 – Пестряков А.П. Расы человека в краниологической классификации населения тропического пояса // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 43–90.
- Пестряков, Григорьева 2004 – Пестряков А.П., Григорьева О.М. Краниологическая дифференциация современного населения // Расы и народы. Вып. 30. М.: Наука, 2004. С. 86–131.
- Решетов 2002 – Решетов А.М. Николай Николаевич Чебоксаров: портрет ученого в контексте его времени // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М.: Наука, 2004. С. 358–396.
- Рогинский, Левин 1978 – Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М.: Высшая школа. 1978.
- Список 1977 – Список основных работ доктора исторических наук Н.Н. Чебоксарова (к 50-летию научной деятельности) // СЭ. 1977. № 6. С. 139–142.
- Чебоксаров 1935а – Чебоксаров Н.Н. Калмыки Западного Улуса // Антропол. журн. 1935. № 1. С. 21–62.
- Чебоксаров 1935б – Чебоксаров Н.Н. Физический тип китайцев различных социальных групп // Антропол. журн. 1935. № 1. С. 75–104.
- Чебоксаров 1936а – Чебоксаров Н.Н. Из истории светлых расовых типов Европы // Антропол. журн. 1936. № 2. С. 193–227.
- Чебоксаров 1936б – Чебоксаров Н.Н. Негроиды и европеиды в Восточной Африке // Антропол. журн. 1936. № 1. С. 3–46.
- Чебоксаров 1941 – Чебоксаров Н.Н. Монголоидные элементы в населении Центральной Европы // Уч. зап. МГУ. Вып. 63. М., 1941. С. 237–270.
- Чебоксаров 1946 – Чебоксаров Н.Н. Этногенез коми по данным антропологии // СЭ. 1946. № 2. С. 51–80.
- Чебоксаров 1947а – Чебоксаров Н.Н. Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии // ТИЭ. Нов. сер. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 24–83.
- Чебоксаров 1947б – Чебоксаров Н.Н. Дунганская экспедиция // КСИЭ. 1947. Вып. III. С. 24–34.
- Чебоксаров 1949а – Чебоксаров Н.Н. Комплексная этнографо-антропологическая экспедиция в Казахстан // КСИЭ. 1949. Вып. VI. С. 9–19.
- Чебоксаров 1949б – Чебоксаров Н.Н. Северные китайцы и их соседи // КСИЭ. 1949. Вып. V. С. 68–69.
- Чебоксаров 1951 – Чебоксаров Н.Н. Основные принципы антропологических классификаций // Происхождение человека и древнее расселение человечества. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 291–322 (ТИЭ. Нов. сер. Т. XVI).
- Чебоксаров 1954 – Чебоксаров Н.Н. Новые данные по этнической антропологии Советской Прибалтики // Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.). М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 13–35 (ТИЭ. Нов. сер. Т. XXIII).
- Чебоксаров 1964 – Чебоксаров Н.Н. Основные этапы формирования антропологического состава населения Восточной Азии. М.: Наука, 1964.
- Чебоксаров 1973 – Чебоксаров Н.Н. Новые данные по этнической антропологии Индии // Очерки экономической и социальной истории Индии. М.: Наука, 1973. С. 3–19.
- Чебоксаров 1980 – Чебоксаров Н.Н. Работы по этнической антропологии Индии в 1964 и 1966 гг. // Новые данные к антропологии Северной Индии. М.: Наука, 1980. С. 183–217.
- Чебоксаров 1982 – Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Китая (Расовая морфология современного населения). М.: Наука, 1982.
- Чебоксаров, Трофимова 1941 – Чебоксаров Н.Н., Трофимова Т.А. Антропологическое изучение манси // Краткие сообщ. о докладах и полевых исследованиях Ин-та истории матер. культуры АН СССР. Вып. IX. М., 1941. С. 28–36.

- Чебоксаров, Чебоксарова* 1971 – *Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А.* Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1971.
- Чебоксарова* 1987 – *Чебоксарова И.А.* Жизнь и деятельность Николая Николаевича Чебоксарова // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. М.: Наука, 1987. С. 4–13.
- Философский 1961 – Философский словарь / Пер. с нем. М.: Изд-во иностр. лит., 1961.
- Günter* 1926 – *Günter H.* Rassenkunde Europas. München, 1926 (цит. по: *Чебоксаров* 1936а: 194).
- Mark, Čeboksarov* 1968 – *Mark K., Čeboksarov N.N.* Über die Herkunft der finnisch-ugrischen Völker im Lichte anthropologischen Forschungen // Congressus secundus internationalis Fenno-Ugristarum (Helsinki 23–28. VIII. 1965). Helsinki, 1968. P. 2. S. 67–75.
- Pösch* 1925 – *Pösch H.* Beiträge zur Anthropologie der ukrainischen Wolhynier // Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien, 1925. V. 55. № 6 (цит по: *Чебоксаров* 1936а: 194).
- Zubov, Cheboxarov* 1976 – *Zubov A., Cheboxarov N.* New Data on the Ethnic Anthropology of India // New Indian Studies by Soviet Scholars. M., 1976. P. 17–33 (Ser. “Problems of the Contemporary World”. 1976. № 33).

G.A. Aksyanova, A.P. Pestrjakov, N.N. Cheboksarov's Contribution to Anthropology: The 100th Anniversary of the Scholar

Keywords: Nikolai Cheboksarov, physical anthropology, racial classification, critique of racism, origins of Central and Eastern Europe, Ural, and South and Eastern Asia peoples

The authors discuss the contributions made by renowned Soviet anthropologist Nikolai Cheboksarov (1907–1980) to the development of physical anthropology. Drawing attention to Cheboksarov's theoretical work on issues of classification, extensive research on anthropology of China, substantial input on problems related to studies of race in anthropology, and other scholarly merits, the article examines the researcher's impact on the growth of the discipline.

ЭО, 2009 г., № 6

© К.П. Калиновская, Х.М. Турьинская

**Н.Н. ЧЕБОКСАРОВ У ИСТОКОВ
МУЗЕЙНОГО ДЕЛА
В ИНСТИТУТЕ ЭТНОЛОГИИ И
АНТРОПОЛОГИИ РАН**

Ключевые слова: история отечественной этнологии и антропологии, этнографические коллекции и их собиратели, этнографическое музееведение, история материальной культуры народов мира

Н.Н. Чебоксаров

С четой Чебоксаровых – Николаем Николаевичем и Ириной Абрамовной – я познакомилась в середине 1960-х годов в Ленинграде, когда работала в секторе Африки у Д.А. Ольдерогге в Ленинградской части Института этнографии АН СССР (так тогда называлась Кунсткамера). На какое-то время мне поручили вести издательское дело

Клара Петровна Калиновская – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, руководитель Этнографического кабинета-музея ИЭА РАН.; e-mail: museum@iea.ras.ru.

Христина Михайловна Турьинская – кандидат исторических наук, научный сотрудник Этнографического кабинета-музея ИЭА РАН.